

ФОНЕТИКА И ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ***Т.Г. Фомина***Аннотация**

В статье с позиций нелинейной динамики – нового эволюционного направления конца XX в. – рассматриваются процессы формирования акцентной оппозиции чисел у существительных женского рода. Установлены специфические различия в трансформации акцентных парадигм у существительных 2 и 3 склонения как отражение разных этапов нелинейной эволюции – порядка и хаоса. Прогнозируются разные сценарии дальнейшего развития описываемого фрагмента акцентной системы, влияющие на становление в современном русском языке кодифицированной литературной нормы.

Ключевые слова: акцентуация, эволюция, нелинейная динамика, синергетика.

В классической науке и эволюционных теориях XIX века долгое время господствовала так называемая *линейная динамика*, характеризующаяся жестким детерминизмом мышления. «Существовало стремление, – как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, – установить всюду однозначные динамические законы, которым подчинялись бы явления действительности» [1, с. 20–21]. В языкознании XIX века младограмматики стремились открыть фонетические законы, которые, по их мнению, действуют в языке или группе языков в границах определенного времени без исключения и на основе которых историки языка решали вопрос об этимологическом родстве исследуемых языков и этапах их дивергенции. Детерминистический подход к пониманию эволюции языковой системы применяется и в современной лингвистике. Этот подход основывается на представлении о линейной, «пошаговой», опирающейся на причинно-следственные связи эволюции того или иного явления действительности, при которой ход развития даже сложноорганизованной системы может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее именно по причинно-следственным цепям.

Линейность эволюционных процессов, однако, могла иметь и обратное течение, обратный ход, и тогда говорили о противоположных направлениях в развитии языка (абстрактное – конкретное значение, упрощение – усложнение системы). Линейность при этом рассматривалась как диалектическая борьба противоположных сил и тенденций в развитии языковой системы. Р.О. Якобсон

писал: «Прослеживая историю как звуковых, так и грамматических изменений в различных языках, я все более проникался убеждением в необходимости постоянного сочетания двух противоположных сил, а именно тяги к сохранению и, наоборот, к нарушению данного равновесия. В этом состоит процесс языкового самодвижения» [2, с. 239].

При такой детерминистической системе мышления многих пугала и останавливала встречавшаяся иногда в исследованиях неопределенность, непредсказуемость тех или иных изменений языковой или любой другой сложноорганизованной системы. Лингвисты, в частности акцентологи, периодически сталкивались с отсутствием причинно-следственной зависимости при изменении языковой системы и относили это к области «непонятого» или *хаотического*. Так, например, В.Л. Воронцова, изучая развитие русского словесного ударения на протяжении трех последних веков (XVIII – XX вв.), пишет: «Древнерусский материал показывает известную *«хаотичность»* акцентных характеристик...»¹ [3, с. 75]; или: «Трудно, если не *невозможно*, установить, какие факторы определяют переход слов этой группы к новому типу акцентуации» [3, с. 54]. Действительно, каждый лингвист при изучении словесного ударения многократно сталкивался с внешним отсутствием причинно-следственных связей, управляющих процессом развития ударения, и подчинением эволюционных процессов языковой системы хаосу. Однако хаос представлялся исследователям деструктивным, разрушающим началом, поэтому встречавшаяся случайность, непредсказуемость изменений языковой системы часто изгонялась лингвистами из научных теорий, а так называемые исключения из правил или не укладывающиеся в систему факты просто игнорировались.

Поскольку неравновесность, неустойчивость в эволюции разных систем воспринималась исследователями как нечто негативное, сбивающее эволюцию с правильной траектории [1, с. 21], в естествознании XX века стали выделять два класса объектов. Одни объекты детерминированные, развивающиеся в соответствии с классической линейной динамикой. Прогноз их поведения может быть дан на любое желаемое время. Другие – стохастические. Ими занимается теория вероятностей. То, что выпадает в этот раз, никак не связано с предыдущим (причинно-следственная связь отсутствует), поэтому в отношении данных объектов нельзя говорить о каком-либо детерминированном прогнозе, можно делать только статистические подсчеты [4, с. 23]. Исследования сложных стохастических систем породили, в свою очередь, статистические методы исследования. Статистика стала широко использоваться и в языкознании, особенно в социолингвистике.

С признанием системности фонологии в лингвистике XX века была рождена также теория «пустых клеток» (А. Мартине, В.В. Колесов, М.Б. Попов), которая рассматривала эволюцию языковой системы как стремление к ее равновесию, симметрии, заполнению «пустых клеток». Такой подход давал возможность увидеть взаимозависимость различных процессов, которые происходят в языковой системе, порождая ее перестройку, однако язык при таком подходе рассматривался как замкнутая, закрытая система, а в подобных образованиях

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш.

увеличивающееся количество случайностей может разрушить систему, так как она будет не в состоянии перестроиться. Между тем язык относится к открытым, сложным, самоорганизующимся и саморазвивающимся системам.

Дальнейший переход к новой, неклассической науке, как отмечают современные эволюционисты, сопровождался развенчанием наивного убеждения классической науки, что случайность есть только незнание или неполнота нашего знания исследуемых явлений. В конце XX в. наконец было осознано, что случайность и неопределенность явлений *коренятся в самой природе вещей* [1, с. 22], однако важно отметить, что первым из лингвистов, кто ввел понятие хаоса как определенной временной стадии в развитии языковой системы, был Н.В. Крушевский. Сравнивая для примера этапы развития языка с современным ему состоянием общества, Н.В. Крушевский писал: «...когда оглянемся кругом и увидим бесчисленное множество самых разнообразных человеческих стремлений, желаний, происшествий, то единственное заключение, какое можем сделать, будет то – что вокруг нас происходит *хаос*; но дайте совершиться событиям, и вы увидите, что все, казавшееся хаотичным и случайным, укладывается в величественную картину порядка и законности. Точно так же и хаос в известной сфере языковых явлений только временный: все то, что перестало быть антропофонически необходимым, подвергается действию *бессознательно-психических факторов*, которые по отношению к коррелятивам (т. е. звукам, связанным друг с другом только козксистентною связью) может быть или *разрушительным*, или *поддерживающим*; но и разрушая, и поддерживая, эти факторы стремятся, как к конечной цели, к созданию *совершеннейшего порядка и простоты в языке*»¹ [5, с. 82]. Иначе говоря, хаос в понимании Н.В. Крушевского выступает как сверхсложная упорядоченность.

В последние десятилетия XX века в связи с открытием И. Пригожиным и И. Стенгерс *нелинейной динамики*, или *синергетики*, было доказано, что есть еще один важный класс объектов – открытые сложные самоорганизующиеся системы, к которым относится и язык. «Формально они, – как пишет С.П. Капица, – являются детерминированными – точно зная их текущее состояние, можно установить, что произойдет с системой в сколь угодно далеком будущем. И вместе с тем предсказывать ее поведение можно лишь в течение ограниченного времени. Сколь угодно малая неточность в определении начального состояния системы нарастает со временем, и с некоторого времени мы теряем возможность что-либо предсказывать. На этих временах система ведет себя *хаотически*» [4, с. 23]. Хаос, таким образом, является общим свойством нелинейных процессов, способных развиваться не только в сложных, но даже в простейших системах, порождая необратимость их развития.

В качестве основных признаков эволюции сложных открытых систем выделяют то, что будущее открытой нелинейной системы не является однозначно определенным – *система имеет несколько возможных сценариев развития*. При этом процесс развития сочетает в себе как дивергентные тенденции (повышение разнообразия), так и конвергентные тенденции (свертывание разнообразия, повышение избирательности).

¹ Здесь курсив Н.В. Крушевского, кроме слова «хаос» (выделено нами).

Действительно, если рассмотреть развитие фонетического или акцентного явления на протяжении длительного времени, то можно увидеть, что каждое явление имеет волновую, или пульсирующую, природу, то есть процесс акцентной трансформации, формирования вариативности тех или иных форм разрастается, достигает своего максимума, а потом сходит на нет. Причем после спада волны многие слова могут вернуть старую форму, а часть слов закрепляет новые варианты. Так, например, процесс формирования акцентно-грамматической оппозиции единственного и множественного числа существительных уже в XIX веке «затягивал в свою орбиту» многие многосложные заимствования, которые обычно характеризуются постоянным ударением на основе слова. По данным В.Л. Воронцовой, в работах А.Х. Востокова, Я.К. Грота, В.И. Чернышева с ударной флексией *-á/-я́* во мн. числе приводятся, например, следующие заимствованные лексемы: *ва́хтер, гэ́тман, гри́фель, ефре́йтор, инспе́ктор, фельдфе́бель, фельдфе́герь, фли́гель, реда́ктор, це́нзор, ци́ркуль, иту́рман, ро́тмистр, ки́тель, ко́нсул, корре́ктор, апте́карь, бо́цман, дискáнт* и др. [3, с. 93]. Однако в современном русском языке они вернули себе первоначальную флексию *-ы/-и* и наосновное ударение.

На склонах языковой «волны» процесс развития того или иного явления выглядит прогнозируемым, то есть мы можем установить те или иные тенденции (например: *до́м – до́мы/дома́, профе́ссор – профе́ссоры/профессора́* = становление оппозиции ед. и мн. числа), а у подножья волны, при зарождении флуктуаций, или на ее вершине, когда увеличивается диссипация и явление достигает максимума, мы не можем прогнозировать дальнейшие пути развития. «Усиление нелинейности, – как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, – приводит к увеличению вариантов будущего развития. На сильно нелинейной среде появляется более разветвленное поле путей в будущее. С точки зрения синергетики будущее – это не *l'avenir* (то, что будет завтра), а *les futuribles* (одно из возможных будущих состояний). Усиление нелинейности среды расширяет спектр возможностей, спектр будущих состояний» [1, с. 77]. На данной стадии, пытаясь объяснить появление акцентных вариантов, мы вынуждены или обращаться к нашему сознанию, дифференцируя акцентные варианты семантически (*квартáл → кварта́л* – часть города / *квáртал* – одна четвертая часть года → *квáртал* (разг.) – во всех значениях; *ха́ос → хаóс* – начальное состояние вселенной / *хаóс* – беспорядок → *ха́ос* – во всех значениях), или опираться на *бессознательно-психическое* (по терминологии Н.В. Крушевского), подключая при выборе той или иной формы свой эстетический вкус или мнимое удобство произношения (*творóг → твóрог, ба́ржа → баржа́*).

Если в современном русском языке рассмотреть эволюцию ударения у существительных женского рода 2 склонения, то можно увидеть, что все происходящие акцентные колебания и последующие изменения направлены на формирование парадигмы **ВА** с акцентной оппозицией единственного и множественного числа, которая считается достаточно сильным *аттрактором* (целью) в акцентных преобразованиях существительных всех трех родов [6, с. 27]. Рассмотрим акцентные процессы, направленные на формирование у существительных женского рода 2 склонения данной парадигмы (см. табл. 1).

Табл. 1

Акцентная эволюция имен существительных жен. рода 2 склонения

АА пéсня – пéсни коро́ва – коро́вы ё́лка – ё́лки	ВА страна́ – страна́ы трава́ – тра́вы труба́ – тру́бы	ВВ/ВВ(с2) левша́ – левши́ тахта́ – тахты́ лыжня́ – лыжни́
АØ стра́жа – Ø сати́ра – Ø безрабо́тица – Ø	ВА ← красота́ – красо́ты ← глубина́ – глуби́ны ←	ВØ молва́ – Ø красота́ – Ø глубина́ – Ø
АА С XVIII в. тю́рьма – тю́рьмы со́сна – со́сны до́ха – до́хи XX в. пе́тля – пе́тли ба́ржа – ба́ржи	→ ВА ← → тю́рьма – тю́рьмы → сосна́ – со́сны → до́ха – до́хи толпа́ – то́лпы ← стрела́ – стрéлы ← жена́ – же́ны ← → петля́ – пе́тли → баржа́ – ба́ржи графя́ – гра́фы ← кошма́ – ко́шмы ←	ВВ/ВВ(с2) С XVIII в. толпа́ – толпы́ стрела́ – стрелы́ жена́ – жены́ XX в. графя́ – графы́ кошма́ – кошмы́
	ВА ← изба́/избу́ – из́бы ← нора́/нору́ – но́ры ←	В(с4)А изба́/избу́ – из́бы нора́/нору́ – но́ры
	ВА ← волна́ – во́лны/во́лнам ← стена́ – стéны/сте́нам ← строка́ – стро́ки/стро́кам ←	ВА (с3,5,6) волна́ – во́лны/во́лнам стена́ – стéны/сте́нам строка́ – стро́ки/стро́кам
	ВА ← доска́/доску́ – ← до́ски/до́скам/до́сками ← среда́/среду́ – ← сре́ды/сре́дам/сре́дами (разг.) ←	ВА ← В(с4)А(с3,5,6) доска́/до́ску – ← до́ски/до́скам/до́сками ← среда́/сре́ду – ← сре́ды/сре́дам/сре́дами ←

Во-первых, существительные, характеризующиеся постоянным ударением на основе (тип **АА**), могут перемещать ударение на флексию в формах единственного числа, что способствует формированию в данных словах акцентной парадигмы типа **ВА** (*ка́мбала* → *камбала́* – но: *ка́мбалы*, *и́скра* → *искра́* – но: *и́скры*). Эти колебания были отмечены В.В. Колесовым еще в древнерусском языке (*зимá*, *лúна́*, *ру́ка́*, *ве́рста́*, *тра́ва́* и др. [7, с. 29–32]), но в позднем периоде развития литературного языка, как полагает В.Л. Воронцова, данное явление не получило активного распространения, а в современном русском языке отмечено в незначительном числе примеров [3, с. 60].

Во-вторых, существительные, характеризующиеся постоянным ударением на окончании **ВВ(с2)** (за исключением род. падежа мн. числа с нулевой флексией), переносят ударение с флексии на основу в формах мн. числа, также

формируя акцентную парадигму **ВА** (*графá* – *графы́/графы*). Акцентная перестройка слов данного типа относится к концу XIX – началу XX в.

В-третьих, абстрактные существительные с ударением на окончании – **ВЮ**, приобретая конкретное значение, формируют множественное число, падежные формы которого имеют ударение на основе (*глуби́на* – *глуби́ны*, *частота́* – *частоты́*, *красота́* – *красоты́*, *длиннота́* – *длинноты́*, *пустота́* – *пустоты́*, *стрельба́* – *стрельбы́*). Особенно ярко этот процесс проявлялся в профессиональной речи, позже закрепившись и в общенародном языке.

В-четвертых, существительные с акцентными парадигмами **В(с4)А** и **В(с4)А(с3,5,6)**, имевшие в полупарадигме ед. числа древнюю оппозицию Вин. падежа остальным падежным формам (**с4** – *овцу́*, *ду́шу*, *зе́млю*, *но́ру*, *зи́му* и др.), постепенно утрачивают эту оппозицию, перенося ударение в формах Вин. пад. ед. числа на флексию (*и́збу* → *избу́*, *по́лосу* → *полосу́*), и выравнивают таким образом колумнальное ударение в формах ед. числа – тип **В**. Количество слов, сохранивших оппозицию **с4** в современном русском языке, незначительно (около 25) и постоянно сокращается.

И наконец, существительные с акцентными парадигмами **ВА(с3,5,6)** и **В(с4)А(с3,5,6)**, имеющие оппозицию Дат., Тв., Пр. падежей (**с3,5,6** – *сте́ны*, *сте́н* // но: *стенáм*, *стенáми*, *о стенáх*; *сре́ды*, *сре́д*//*среда́м*, *средáми*, *о средáх* и др.), постепенно утрачивают эти оппозиции и переносят ударение в формах Дат., Тв., Пр. падежей мн. числа на основу (*стенáм* → *сте́нам*, *стенáми* → *сте́нами*, *стенáх* → *сте́нах* и т. д.), приобретая таким путем формируемую акцентную парадигму **ВА**. «Судя по поэтическим материалам, – пишет В.Л. Воронцова, – резкий сдвиг в акцентровке форм косвенных падежей мн. числа – переход их к корневому ударению – происходит, как и у подвижно ударяемых имен, в начале XX в.» [3, с. 52].

Таким образом, если внимательно проследить все направления при трансформации отдельных фрагментов акцентной системы существительных женского рода 2 склонения, то, несмотря на возникающие семантические и стилистические различия отдельных акцентных вариантов (например: *сре́ду* – день недели, *среду́* – окружающую обстановку), мы можем четко определить основные тенденции и прогнозировать возможные сценарии акцентной эволюции описываемой системы. На данном участке акцентная трансформация выглядит конвергентной, предсказуемой и управляемой. Перед данными существительными возникают два сценария развития: а) утрата любой подвижности и формирование акцентной парадигмы типа **АА** (этот сценарий больше подходит производным или малоупотребительным существительным с книжной стилистической окраской); б) употребительные в бытовой или профессиональной речи, часто непроизводные существительные стремятся к формированию акцентной парадигмы **ВА**. Других вариантов развития на современном этапе не прослеживается.

Противоположную картину демонстрируют процессы эволюции ударения у существительных жен. рода 3 склонения. Необходимо отметить, что в отличие от существительных 2 склонения, маркированных флексией жен. рода *-а*, существительные 3 склонения, характеризующиеся нулевой флексией, в Имен. падеже ед. числа и в формах мн. числа акцентно трудно отделимы от существительных муж. рода с мягкой основой (например: *ночь* – *конь*, *но́чи* – *ко́ни*,

Табл. 2

Акцентная эволюция имен существительных жен. рода 3 склонения

АА боль – боли грязь – грязи мазь – мази	АВ(с1,4н) власть – власти (-ей, -ям, -и, -ями, -ях) кисть – кисти (-ей, -ям, -и, -ями, -ях) степь – степи (-ей, -ям, -и, -ями, -ях)	АØ окись – Ø дрожь – Ø печаль – Ø грусть – Ø ← нефть (-ей – проф.)
АА ← записи ← (-ей, -ям, -ями) заповеди ← (-ей, -ям, -ями) ведомости ← (-ей, -ям, -ями) должности ← (-ей, -ям, -ями) повести ← (-ей, -ям, -ями)	← АВ(с1,4н) → XVIII в. запись (-и, -ью) – записи (-ей, -ям, -ями) заповедь (-и, -ью) – заповеди (-ей, -ям) XX в. ведомость (-и, -ью) – ведомости (-ей, -ям, -и, -ях) должность (-и, -ью) – должности (-ей, -ям, -ями, -ях) повесть (-и, -ью, -и) – повести (-ей, -ям, -ями, -ях)	→ АВ площадь (-и, -и, -ю, -и) – площади → площадь (прост.) / -ей, -ям, -ями, -ях прибыль (-и, -и, -ью, -и) – прибыли → прибыль (прост.) / -ей, -ям, -ями, -ях отрасль (-и, -и, -ью, -и) – отрасли → отрасль (прост.) / -ей, -ям, -ями, -ях скатерть (-и, -и, -ью, -и) – скатерти → скатерть (прост.) / -ей, -ям, -ями, -ях подпись (-и, -ью, -и) – подписи → подпись (прост.) -ей, -ям, -ями, -ях
	АВ(с1,4н) → цепь, с цепи, к цепи – цепи, -ей, -ям, -ях ось, оси, к оси – оси, -ей, -ям, -ях грудь, груди (уст.) – груди, -ей, -ям, -ях	→ А(с2,3,6)В(с1,4н) → с цепи, к цепи, на цепи = цепи, -ей, -ям, -ями, -ях → вокруг оси, к оси, на оси = оси, -ей, -ям, -ями, -ях → от груди, к груди, на груди = груди, -ей, -ям, -ями, -ях

ночэй – коней, ночам – коням и т. д.), что, несомненно, отражается на последовательности склонения и на акцентной парадигме.

В современном русском языке у существительных 3 склонения сформировалось неполное акцентное противопоставление форм ед. и мн. числа, которое реализовалось в АП типа **АВ(с1,4н)**, то есть с сохранением в Имен. и Вин. падежах мн. числа неодуш. существительных ударения на основе, например: **А** – *ночь, но́чи, но́чи, но́чь, но́чью, о но́чи* // **В (с1 – но́чи), ночей, ночам, (с4н – но́чи), ночами, о ноча́х. Трансформация акцентной парадигмы **АВ (с1,4н)** в современном русском языке имеет **разные сценарии** эволюции (см. табл. 2).**

Во-первых, производные существительные с суффиксом **-ость** (*крепость*), а также некоторые существительные с двусложной основой (*ступень*) постепенно утрачивают окончное ударение косвенных падежей мн. числа и переходят в разряд существительных с постоянным ударением типа **АА** (*ведомостей* → *ведомостей, должностей* → *должностей, ступеней* → *ступеней*).

Во-вторых, в частотной лексике с основой на мягкий согласный у существительных как жен., так и муж. рода в Имен., Вин. пад. (неодуш. сущ.) наблюдается развитие флексии *-я*, что приводит к выравниванию ударения в полупарадигме мн. числа (*матеря́, прибыля́ // итемпеля́, слесаря́*) и формированию акцентной парадигмы **AB** с оппозицией ед. и мн. числа. И хотя эти формы остаются *вне границ* современного литературного языка, в *просторечии* они широко распространены. В профессиональной речи нефтяников отмечено также формирование мн. числа у существительного *нефть* с АП типа **AO**, которое сразу же оформляется с ударением на окончании, формируя тем самым АП типа **AB** (*нефть – нефтя́, нефте́й* и т. д.).

Третий сценарий развития АП типа **AB(c1,4н)**, как отмечает В.Л. Воронцова, хотя и не представляет «магистральной» линии акцентного развития, остается в пределах «считаемости» [3, с. 69]. Согласно этому сценарию, существительные 3 склонения по аналогии с формой Предл. падежа с обстоятельственным значением (*в степи́, в ночи́*) переносят ударение на окончание и в формах Род., Дат. падежей ед. числа (*из печи́, к ночи́*), формируя таким образом усложненную акцентную парадигму **A(c2,3,6)B(c1,4н)**. Важно отметить, что эти, акцентно маркированные, формы встречаются как в просторечии, так и в книжном стиле, в частности в поэзии XVIII – XX вв.

Именно существительные 3 склонения В.Л. Воронцова относит к области «хаотического». Она пишет по поводу форм мн. числа: «Изменения в ударении форм мн. числа имен *i*-основ не имеют единой направленности. Здесь сталкиваются две акцентные тенденции, результаты действия которых прямо противоположны. Это обуславливает наличие множества колебаний в ударении формы мн. числа в литературном языке на разных этапах его развития и усложняет вопрос о нормативной их оценке» [3, с. 75].

Сложность определения нормативности ряда форм существительных 3 склонения обусловлена также тем, что одно и то же существительное часто имеет прямо противоположные акцентные варианты и формирует разные акцентные парадигмы, в которых не прослеживается единая эволюционная линия (например: *прибыль, прибыли, прибылей – AA // прибыли, прибылей, прибылям – AB(c1,4н) // прибыля́* (прост.), *прибылей, прибылям – AB*).

Подобным хаотичным образом ведут себя и односложные существительные мужского рода, диссипативность которых усиливается, из-за чего в орфоэпических словарях они фиксируются неоднозначно, с разными акцентными парадигмами. Например:

AA	AB	B(c1,4н)B
<i>би́нт, -а, -ы</i> (уст.)	<i>би́нт, -а, -ы́</i>	<i>би́нт, -а́, -ы́</i> (ОС, СУ, СО)
<i>шка́ф, -а, -ы</i> (уст.)	<i>шка́ф, -а, -ы́</i> (СОПУ, ОС, СУ)	<i>шка́ф, -а́, -ы́</i> (прост.)
<i>ша́рф, -а, -ы</i> (СУ, ОС, СОПУ)	<i>ша́рф, -а, -ы́</i> (прост.)	<i>ша́рф, -а́, -ы́</i> (прост.)

Таким образом, на разных этапах развития одного и того же процесса с единым аттрактором разные звенья акцентной системы могут вести себя целенаправленно, предсказуемо, формируя конвергентные или дивергентные процессы (2 скл.), или вести себя хаотично, непредсказуемо, центробежно (3 скл.), что крайне затрудняет процесс формирования орфоэпической нормы в речи носителей русского языка.

Summary

T.G. Fomina. Features of Evolutionary Processes in Modern Russian Accentuation.

In this article, we discuss processes of formation of accentual opposition of numbers among feminine nouns from the standpoint of nonlinear dynamics, a new evolutionary field of knowledge at the end of the 20th century. We establish particular differences in the transformation of accentual paradigms among the nouns of the 2d and 3d declensions as a reflection of different stages of nonlinear evolution (order and chaos). We also forecast different scenarios of further development of the described area of accentual system, which will have an influence on the formation of a codified literary standard in the modern Russian language.

Key words: accentuation, evolution, nonlinear dynamics, synergetics.

Источники

- СУ – *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка: 82 500 словарных единиц / Под ред. М.А. Штудинера. – М.: Рольф, 2000. – 816 с.
- ОС – *Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1985. – 704 с.
- ОСРЯ – *Резниченко И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: около 25000 ед. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 1182 с.
- СОРУ – *Штудинер М.А.* Словарь образцового русского ударения. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

Литература

1. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
2. *Якобсон Р.О.* Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.
3. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII – XX вв. Формы словоизменения. – М.: Наука, 1979. – 328 с.
4. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
5. *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию / Сост. Ф.М. Березин. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.
6. *Фомина Т.Г.* Русское ударение. – Казань: ДАС, 2001. – 132 с.
7. *Колесов В.В.* История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 256 с.

Поступила в редакцию
11.04.11

Фомина Тамара Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tfomina@yandex.ru